

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, вѣщающе
ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1902.

Годъ десятый.

ТОМЪ I.

№ 5.

М А Р Т Ъ.

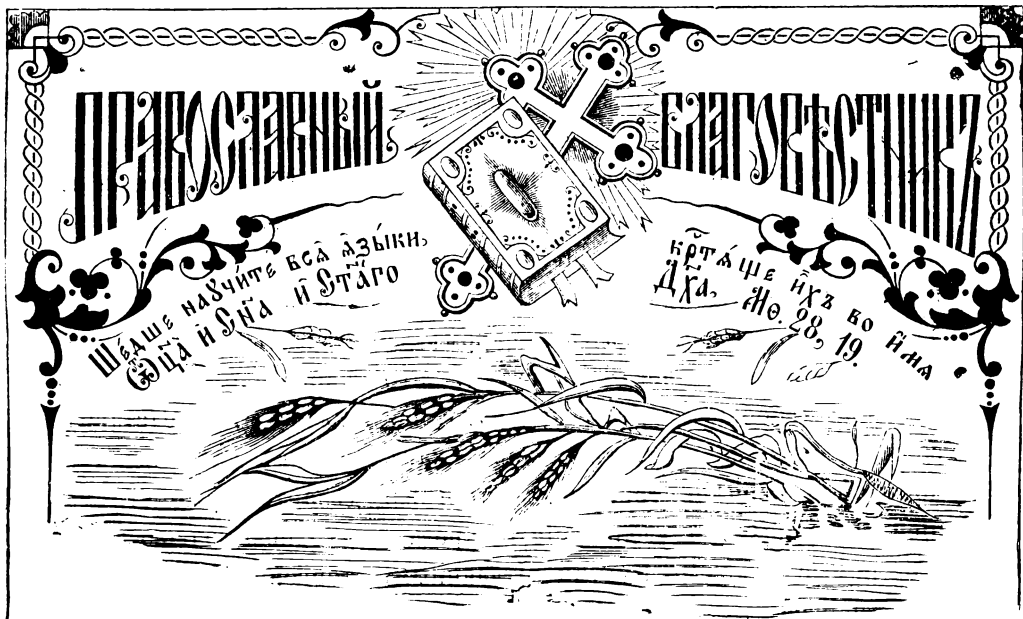
КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

—
1902

Племенной и вѣроисповѣдный составъ населенія Туркестанскаго края.

Русскихъ въ Туркестанскомъ краѣ пока немного, около 2%, всего населенія,—отъ 110 до 120 тысячъ человѣкъ.

Самое первое мѣсто по сѣбѣ численности среди осѣдлаго населенія занимаютъ здѣсь такъ называемые сарты, которыхъ насчитывается до 1.200 т. человѣкъ, т.-е. почти 22%. Название „сартъ“ дано имъ другими туземными племенами; сами же себя они всегда называютъ по имени тѣхъ городовъ, въ которыхъ живутъ. Это—помѣсь арійцевъ съ тюрками, съ значительнымъ преобладаніемъ крови послѣднихъ. На югѣ, въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, къ нимъ же относятъ и „таджиковъ“, которые всегда гордятся этимъ своимъ названіемъ; это—уже иранскаго происхожденія, что особенно рельефно сказывается въ ихъ физическомъ типѣ, съ небольшою примѣсью тюркской крови. Первые говорятъ особымъ тюркскимъ нарѣчіемъ—узбекскимъ; послѣдніе—на таджикскомъ, т.-е. сѣверномъ нарѣчій персидскаго языка, хотя владѣютъ и сартовскимъ языкомъ. Между тѣми и другими такъ много общихъ чертъ ха-

рактера, что вполне возможно разсматривать ихъ вмѣстѣ; разница только та, что у таджиковъ всѣ характерныя черты выражены рѣзче, рельефнѣе. Всѣ они—весьма хорошіе горожане и сельчане. Какъ горожане, сарты—страстные торговцы и искусные ремесленники. „Купить, говорить г. Гребенкинъ, что называется—на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть со своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣсколько чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджика (вообще сарта), котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ... Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ, или вѣрнѣе—торгашемъ, торговля дѣлается уже его мачиёй, а прибыли и увеличеніе товаровъ—исходною точкою всѣхъ его помысловъ“ ¹⁾. Будучи отчаяннымъ торговцемъ и довольствуясь какъ въ своей жизни, такъ и въ торговыхъ прибыляхъ малымъ, заботясь только о томъ, чтобы его капиталъ сдѣлалъ возможно большее число оборотовъ въ годъ, обставляя свои торговыя операціи просто, незатѣйливо, безъ излишнихъ аксессуаровъ, сартъ продаетъ всегда дешевле русскаго, а потому и служить такимъ конкурентомъ, что послѣднему невозможно съ нимъ бороться. Вслѣдствіе этого въ странѣ экономически господствуетъ не русскій, а сартъ. Все то громадное количество русскихъ денегъ, которое прожилъ нашъ Туркестанскій край, ушло въ руки сартовъ. Подъ вліяніемъ русскихъ многіе торговые сарты не только разбогатѣли, но и научились разнымъ приемамъ европейской торговли: живо ноняли всѣ банковыя операціи, отлично производятъ всякаго рода свои конверсіи, а теперь, кажется, уже обучаются технику банкротствъ. Сарты вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма искусные ремесленники. „Какъ ремесленники, таджики (и вообще всѣ сарты) выказываютъ себя, замѣтилъ еще г. Гребенкинъ, положительно способнымъ народомъ и, что весьма важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе приемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ... Если дать устѣ (мастеру) образецъ извѣстнаго ремесла, то онъ, не смотря на все несо-

¹⁾ „Русскій Туркестанъ“. М., 1872 г., вып. 2, стр. 1—50, ст. „Таджики“.

вершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту не отойдетъ отъ образца. Таджики перемѣняетъ инструменты, манеру работы; въ немъ незамѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего“. Последняя ташкентская выставка наглядно показала, какъ туркестанскій сартъ постепенно все болѣе и болѣе совершенствуется въ ремеслахъ и отѣсняетъ русскаго. Вся довольно разнообразная и богатая туземная промышленность носить на себѣ кустарный характеръ и находится въ рукахъ сартовъ. Какъ сельчанинъ, сартъ—весьма трудолюбивый и прекрасный земледѣлецъ, садоводъ и огородникъ. Онъ преданъ землѣ, на которой сидитъ, обсаживая ее простыми и фруктовыми деревьями, удобряя и засѣвая ее хлѣбными и техническими растеніями, любовно и весьма разумно поливая ее. Онъ изучилъ уходъ за землею чисто практически, руководствуясь опытомъ не только своимъ, личнымъ, но и опытомъ своихъ предковъ; онъ такъ прекрасно ведетъ это свое дѣло, что возбуждаетъ чувство удивленія даже въ нашихъ специалистахъ по сельскому хозяйству, и можетъ быть не ученикомъ, но опытнымъ наставникомъ нашего русскаго колониста здѣсь.

Будучи такимъ трудолюбивымъ работникомъ въ довольно разнообразныхъ сферахъ труда, отличаясь громадною энергіей и гоняясь за всѣмъ, сартъ, какъ сангвиникъ, не чуждъ и противоположной крайности: онъ склоненъ къ лѣни и любитъ восточный кейфъ. Одни наблюдатели хвалятъ сарта за трудолюбіе, другіе, наоборотъ, ругаютъ его за лѣность. Объясненіе этого видимаго противорѣчія заключается въ томъ, что туркестанскій сартъ, какъ мелкій матеріалистъ, или, лучше сказать, утилитаристъ, любитъ не самый трудъ, а результаты труда въ формѣ обогащенія и довольства жизненными удобствами. Достигнувъ послѣдняго, онъ начинаетъ предаваться лѣни, эксплуатируя уже чужой трудъ—наемный или даже и даровой. Онъ, поступая въ разрякъ „баевъ“ (богачей), дѣлается важнымъ, надутымъ и напыщеннымъ. Курьезно наблюдать эту метаморфозу: чуть не вчера онъ былъ мелкимъ разнощикомъ и даже „тащишкою“, а

сегодня онъ уже важная особа, „бай“. Вчера еще онъ былъ подвиженъ, суетливъ, бросался на всякое дѣло, работалъ „не покладая рукъ“, былъ льстивъ, болтливъ, подобострастенъ, сгибался „въ три погибели“ чуть не предъ всякимъ встрѣчнымъ, не смѣлъ уходить отъ кого-нибудь иначе, какъ только пятась задомъ и поджимая свой животъ, былъ назойливъ, лѣзъ даже съ непрошенными услугами къ каждому болѣе или менѣе вліятельному человѣку, лишь бы только хоть чѣмъ-нибудь угодить послѣднему или даже пробыть нѣкоторое время на его глазахъ. Сегодня онъ вдругъ сдѣлался важнымъ и гордо выпрямился; спина его уже не гнется, животъ выпяченъ впередъ, голова откинута назадъ, взглядъ его серьезенъ и важенъ, поступъ и всѣ движенія его медленны; слово его—серебро, а молчаніе—золото; идеаломъ его служить кейфъ; только тщеславіе, стремящееся къ полученію почетныхъ халатовъ, медалей и даже орденовъ, не даетъ ему покоя. Корыстолюбіе и тщеславіе—основныя черты туркестанскаго сарта, а потому онъ безсердеченъ. Сартъ всегда былъ отчаяннымъ трусомъ и лгуномъ и никогда не былъ храбрымъ воиномъ; нагляднымъ доказательствомъ этого служить занятіе нами страны и особенно штурмы Ташкента и Чупанъ-атинскихъ высотъ подъ Самаркандомъ. Корыстолюбіе и трусость всегда заставляютъ сарта быть на сторонѣ сильнаго; вотъ, главнымъ образомъ, почему онъ и преданъ русскимъ; только его такъ называемое духовенство, ученые муллы и особенно послѣдователи суфизма, яркіе представители косности, застоя и скрытаго, но тѣмъ болѣе сильнаго фанатизма, враждебно относятся къ русской власти, видя въ ней умаленіе своего вліянія на народъ и своего благосостоянія. Торгово-промышленный классъ народа, наоборотъ, служить представителемъ движенія впередъ, прогресса, и усваиваетъ начала русской цивилизаціи, начавши предварительно съ обученія торговымъ плутнямъ, пьянству, внѣшнему лоску и другимъ отрицательнымъ сторонамъ жизни. Впрочемъ, чѣмъ дальше идетъ жизнь, тѣмъ благотворное вліяніе русскихъ на сартовъ дѣлается сильнѣе; въ послѣднее время, съ открытіемъ въ краѣ низшихъ русско-туземныхъ школъ, молодое поколѣніе сартовъ начинаетъ воспи-

тиваться въ русскихъ началахъ. Эта довольно способная въ общемъ туземная народность общается въ будущемъ быстрые успѣхи на жизненномъ поприщѣ: можно и должно опасаться только того, чтобы эти успѣхи не послужили ко вреду русскимъ въ области экономическихъ явленій. Сарты и теперь экономически господствуютъ въ краѣ.

Но, не довольствуясь этимъ, они стараются захватить въ свои руки и Киргизскую степь. Эти мусульманскіе культуртрегеры являются сюда прежде всего къ качествѣ торговцевъ; за ними идутъ сюда ремесленники, а затѣмъ уже — муллы и ишаны, какъ духовные просвѣтители. Всѣ эти ярые эксплуататоры киргизовъ суть въ то же время и отличные ассимиляторы ихъ. На ряду съ этимъ движеніемъ сарта съ юга, на Киргизскую степь наступаетъ съ сѣвера татаринъ, вліяніе котораго еще вреднѣе сартовскаго. Добродушный и симпатичный киргизъ-простакъ очутился между двухъ огней; избѣжавъ одного, онъ неизбежно впадаетъ въ другое, потому что третьяго вліянія, вліянія русскаго, здѣсь пока почти нѣтъ. Все время на нашихъ глазахъ совершается возмутительная сартовско-татарская эксплуатація и ассимиляція киргизовъ. Киргизская степь годъ съ годомъ дѣлается все болѣе мусульманскою, фанатичною и враждебною русскимъ. Теперь по Киргизской степи уже начинаютъ раздаваться пѣсни далеко не въ пользу русскихъ; поютъ уже, что вотъ пронесутся черныя грозныя тучи, которыя висятъ надъ киргизами, страхнуть послѣдніе съ себя свое горе, заживутъ новою жизнью и вздохнуть наконецъ свободно полною грудью; тогда уже запоются другія пѣсни ¹⁾). Крайне грустно, что это весьма печальное и въ высшей степени вредное явленіе не обращаетъ на себя должнаго вниманія съ нашей стороны. Чѣмъ скорѣе мы позаботимся объ изоляціи киргизовъ отъ этого вреднаго вліянія и о подчиненіи ихъ русскому воздѣйствію, тѣмъ будетъ лучше для насъ и для самихъ киргизовъ. Никакое самое образованное государство не потерпѣло бы у себя подобныхъ ненормальныхъ явленій; только мы русскіе, въ силу своей

¹⁾ „Этнографическое Обозрѣніе“ 1899 г., кн. 3.

прирожденной славянской безпечности, закрываемъ глаза на то, какъ глубоко и явно нарушаются наши коренные національные интересы.

Слѣдующую за тѣмъ группу осѣдлыхъ туземцевъ составляютъ узбеки, до $6\frac{1}{2}\%$ всего населенія края, т.-е. болѣе 300 т. человѣкъ. Впрочемъ, узбеки ведутъ частью осѣдлый, частью кочевой образъ жизни. Название „узбекъ“ скорѣе собирательное, чѣмъ племенное. Это—тюрки вообще, которые подраздѣляются на нѣсколько отдѣльных племенъ: татаръ, киргизовъ и пр. Въ Туркестанскомъ краѣ принято называть „узбеками“ тѣхъ тюрковъ, которые занимаютъ средину между киргизами и сартами. Отличаясь въ противоположность послѣднимъ воинственностью, будучи вольными сынами степей, любя больше всего свободу и набѣги съ грабежами, узбеки въ прежнее время играли здѣсь большую политическую роль: они вели войны, подчиняли своему господству другіе народы, возводили на средне-азіатскіе троны эмировъ и хановъ и низвергали ихъ, служили опорой туземныхъ правительствъ и производили возстанія противъ нихъ. Само собою понятно, что съ приходомъ русскихъ они превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ и кочевниковъ и утратили свое прежнее значеніе.

Затѣмъ наиболѣе многочисленны каракалпаки въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, также тюркскаго происхожденія; ихъ насчитываютъ болѣе 100 т. человѣкъ, или 2% всего населенія. Они—хорошіе земледѣльцы; избавившись, съ приходомъ русскихъ, отъ хивинскихъ набѣговъ, они достигли извѣстнаго благосостоянія.

Самымъ многочисленнымъ изъ кочевыхъ племенъ этихъ тюрковъ служатъ киргизы, которыхъ въ краѣ до 48% , болѣе 2.500 т. человѣкъ. Это—монголо-тюрки, съ небольшою примѣсью арійской крови. Сами себя они называютъ всегда „казаками“. Раздѣляясь на три орды: большую, среднюю и малую, киргизы, сверхъ того, дѣлятся на множество колѣнъ и родовъ. Родовое, патріархальное начало, не смотря на позднѣйшія неблагопріятныя для него вліянія, все еще довольно живуче между киргизами: глава, старѣйшина рода, пользуется большимъ авто-

ритетомъ и вліяніемъ; вслѣдъ за нимъ и всякій почтенный возрастомъ, сѣдобородый (аксакалъ) окружается должнымъ уваженіемъ; этимъ же родовымъ бытомъ объясняется и тотъ обычай, котораго крѣпко держатся всѣ киргизы и по которому братъ покойнаго долженъ жениться на его вдовѣ, а сія послѣдняя не можетъ выйти замужъ за чужаго безъ согласія семейства умершаго ея мужа (законъ ужичества у древнихъ евреевъ). Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ этотъ родовой укладъ жизни у киргизовъ все болѣе ослабѣваетъ подъ вліяніемъ весьма сложныхъ причинъ новаго жизненнаго порядка подъ влывчествомъ русскихъ, изъ которыхъ самую сильною оказывается новое административное устройство и управленіе киргизами. Послѣднее, не желая признавать родоваго начала и естественныхъ старѣйшинъ рода, выдвигаетъ выборное начало и признаетъ выборныхъ аксакаловъ, мингъ-башей (тысяченачальниковъ, волостныхъ управителей) и биевъ (народныхъ судей). Съ политической точки зрѣнія едва-ли приходится сожалѣть объ упадкѣ между киргизами родоваго начала, родоваго быта и вытекающаго изъ него высокаго авторитета главы рода. Не приходится сожалѣть объ этомъ потому, что путемъ поддержанія родоваго быта у киргизовъ только усиливалась бы туземная аристократія, которая въ большей части случаевъ не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее русскимъ правительствомъ надеждъ. Это усиленіе киргизскаго родоваго быта повлекло бы за собою возвышеніе отдѣльныхъ родовъ и ихъ старѣйшинъ, и создало бы то же положеніе вещей, которое мы застали въ Киргизской степи: отдѣльные ханы и султаны крупныхъ и сильныхъ родовъ стремились бы къ порабощенію другихъ родовъ и къ объединенію всѣхъ киргизовъ подъ своею властью, чтобы вслѣдъ за тѣмъ вступить если не въ открытую борьбу, то во всякомъ случаѣ во враждебныя отношенія къ намъ русскимъ. При такой политикѣ мы никогда не достигли бы умиротворенія Киргизской степи: взаимные родовые счеты между киргизами, влекущіе за собою разорительную баранту, а также бунты, мятежи и нападенія на русскія поселенія, до которыхъ были большіе охотники киргизы въ прежнее время, разрослись бы до громадныхъ размѣровъ. Какъ, повидимому, ни

демократичны киргизы съ перваго взгляда, но аристократическое начало у нихъ довольно крѣпко, такъ какъ весь народъ у киргизовъ дѣлится: на черную кость (кара-суекъ), состоящую изъ народной массы, и бѣлую кость (акъ-суекъ), немногочисленныхъ представителей аристократіи, потомковъ хановъ и султановъ, которые пользуются большимъ почетомъ и завиднымъ, съ точки зрѣнія киргиза, правомъ ничегонедѣланія. Киргизъ, какъ сынъ среднеазиатскихъ степей, вполне зависитъ отъ природы своей родины какъ въ образѣ своей жизни, такъ и въ своихъ занятіяхъ. Прежде всего онъ—скотоводъ и кочевникъ. Занимаясь разведеніемъ овецъ, лошадей, верблюдовъ и отчасти коровъ, киргизы, проведя скучную и суровую зиму въ своихъ „кыстау“, съ открытіемъ весны радостно, по праздничному, пускаются вмѣстѣ со своимъ скотомъ и всѣмъ хозяйственнымъ скарбомъ въ далекую перекочевку на сѣверъ, а осенью возвращаются обратно, при чемъ каждый родъ или аулъ строго держится своего пути, идя и останавливаясь въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, у однихъ и тѣхъ же степныхъ колодцевъ, и возвращаясь въ одно и то же свое мѣсто. Къ этому кочевому образу жизни приспособлено все у киргиза—до жилища (кибитка, юрта-утау) включительно, которое чужь не въ 5 минутъ разбирается и складывается. Въ этихъ перекочевкахъ проходитъ почти вся жизнь киргиза; въ нихъ же—и всѣ его радости. Любовь къ чистому степному воздуху, любовь къ перекочевкамъ со всѣмъ своимъ ауломъ по безбрежной степи, гдѣ горизонтъ ничѣмъ не стѣсненъ, любовь къ удалству, степнымъ потѣхамъ и забавамъ, скачкамъ, пѣснямъ и разнымъ празднествамъ, гдѣ почетное мѣсто занимаетъ вкусная баранина и полезный, освѣжающій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опьяняющій напитокъ кумысъ, выработали въ киргизѣ страстную любовь къ свободѣ и праздности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвращеніе къ сидѣнью на одномъ мѣстѣ и копанію на немъ, отвращеніе къ осѣдлости и къ земледѣльческому труду. Киргизъ только въ случаѣ крайней бѣдности, когда онъ слѣдается байгушемъ (бѣднякомъ), переходитъ къ земледѣлію и осѣдаетъ, причисляясь къ разряду презираемыхъ „игенчей“ (земледѣльцевъ). Вотъ почему киргизъ такъ презираетъ осѣдлаго

сарта, который, къ тому же, и эксплуатируетъ его. Впрочемъ, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ киргизы, страдая отъ частыхъ падежей скота (джуть) во время суровыхъ зимъ и особенно гололедей и разоряясь въ эти тяжелыя години, все болѣе и болѣе осѣдаютъ около воды и переходятъ къ занятію земледѣліемъ. Тѣмъ же кочевымъ бытомъ съ одной стороны и трудностью путешествій по степи съ другой объясняется большое гостепріимство киргизовъ и находящееся въ связи съ нимъ чрезвычайное любопытство ихъ.

Будучи еще недавно язычниками-шаманистами, киргизы съ легкой руки нашей императрицы Екатерины II, усердно заботившейся о распространеніи между нима ислама, въ которомъ она стремилась видѣть переходную ступень отъ язычества къ христіанству, дѣлаются постепенно все болѣе и болѣе мусульманами, чему особенно способствуютъ рьяные пропагандисты ислама—татары съ сѣвера и сарты съ юга, а также и наша православная Казань, которая, посредствомъ своихъ типографій—университетской и частныхъ, съ большою энергіею, достойною лучшей цѣли, распространяетъ мусульманскія изданія по всей Россіи и въ томъ числѣ—между киргизами. Грустно и больно видѣть, какъ, подъ русскимъ знаменемъ и даже при помощи его, въ Киргизской языческой степи насаждается исламъ, а не православное христіанство. Но время еще не окончательно упущено здѣсь для русскаго дѣла, потому что киргизская народная масса еще довольно индифферентна къ исламу, держась его чисто внѣшнимъ образомъ и не желая вполне разстаться со своимъ старымъ шаманизмомъ. Для совѣсти и спокойствія души киргиза-простолюдина имѣютъ гораздо больше значенія его старыя языческія существа, какъ наприм. албасты, жезтырнакъ, жалмаузъ-кемпиръ, кульдургушъ, марту, арвахи и пр., чѣмъ мало извѣстный арабскій пророкъ Мухаммедъ и всѣ святыя ислама; въ глазахъ киргиза все еще болѣе полезенъ его старый баксы (соотвѣтствуетъ каму или шаману сибирскихъ инородцевъ), который такъ успѣшно можетъ излечивать разныя болѣзни, предохранять и избавлять его отъ нечистой силы, чѣмъ ненавидимый для него татарскій, или сартовскій, или же наконецъ,

хотя и свой, но невѣжественный мулла. Исламъ еще не успѣлъ окончательно подчинить своему вліянію киргизовъ и со стороны образованія, такъ какъ мусульманскихъ школъ и въ Киргизской степи еще сравнительно немного и почти всѣ онѣ низшаго типа (мактабы), а потому и вліяніе ихъ на народъ довольно ничтожно. Чѣмъ скорѣе разовьется здѣсь православно-русская миссія и русское просвѣщеніе, посредствомъ разумно устроенныхъ школъ, чѣмъ скорѣе, наконецъ, будетъ возведено въ строгую русскую систему все управленіе киргизами, тѣмъ больше будетъ пользы какъ для киргизовъ, такъ и для насъ самихъ. Успѣхъ ассимиляціи киргизовъ съ русскими въ значительной степени можетъ облегчиться еще и тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ между киргизами женщина, и, наконецъ, ихъ природнымъ національнымъ характеромъ. Хотя женщина лѣниваго киргиза-кочевника и обременена домашними работами, но она пользуется большою свободою: она не закрываетъ своего лица отъ мужчины и безпрепятственно допускается въ его обществѣ, гдѣ она имѣетъ достаточный вѣсъ и значеніе. Киргизскую женщину скорѣе можно упрекнуть въ излишней вольности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и въ циничности, чѣмъ въ недостаткѣ свободы. Разумно поставленное воспитаніе ея въ русско-православномъ духѣ создастъ изъ нея прекрасную нашу союзницу. Национальныя черты характера киргиза, — его добродушіе и кротость, довѣрчивость и откровенность, честность и стремленіе къ полезному, воспримчивость къ русской цивилизаціи и уваженіе къ русскому, — служатъ лучшимъ ручательствомъ того, что русское дѣло можетъ встать прочно въ Киргизской степи. А ненависть, которую онъ питаетъ къ своимъ эксплуататорамъ татарамъ и сартамъ, докончить остальное наше дѣло¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ книги М. А. Мироніева: *О положеніи русскихъ инородцевъ*. С.-Петербурга. 1901 г.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, крѣщаще
ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1902.

Годъ десятый.

ТОМЪ I.

№ 7.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902

— Ну, спасибо за это, сказалъ я. — Теперь молитесь и о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ я увѣщевалъ въ Мелеузѣ, чтобы и они не погибли, а возвратились въ Христову вѣру и спаслись.

Свящ. Стефанъ Матвѣевъ.

Племенной и вѣроисповѣдный составъ населенія Туркестанскаго края ¹⁾.

Особую разновидность киргизовъ, болѣе близкую къ монгольскому племени, составляютъ каракиргизы (черные киргизы), которые занимаютъ горную страну Тянь-Шаня и Памира (дикокаменные киргизы), полукошечники, занимающіеся по горнымъ долинамъ и ущельямъ въ небольшихъ размѣрахъ и земледѣліемъ.

Къ тюркамъ же принадлежатъ и туркмены въ Закаспійской области, которыхъ насчитываютъ болѣе 260 т. человекъ, или 5% всего населенія Туркестанскаго края. Они состоятъ изъ разныхъ племенъ: текинцевъ—самаго многочисленнаго между ними, іомудовъ, саларовъ, гоклановъ, сарыковъ и др. Они ведутъ полуосѣдлый, полукочевой образъ жизни; болѣе склонны къ занятію скотоводствомъ, хотя, впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русской администраціи, начинаютъ развиваться между ними и земледѣліе. Очевидно, современные туркмены переживаютъ переходное время. По роду своихъ главныхъ занятій, отъ которыхъ зависитъ и ихъ образъ жизни, они раздѣляются на двѣ группы: чарва и чомуры. Чарва — болѣе зажиточны, занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ и кочуютъ въ отдаленныхъ пескахъ, хотя имущество и семьи ихъ остаются въ постоянныхъ аулахъ. Чомуры бѣдны, на кочевку не выходятъ и остаются въ аулахъ для охраны садовъ и посѣвовъ. „За-частую можно встрѣтить, что въ одной и той же семьѣ

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 5, стр. 191—200.

одинъ членъ семьи принадлежить къ чарвѣ, а другой — къ чомурамъ“ ¹⁾. Туркмены, взятые въ общемъ, довольно плохіе земледѣльцы, но хорошіе скотоводы. Главнымъ средствомъ къ жизни въ прежнее время служили у нихъ аламанство—хищнические набѣги (баранта у киргизовъ), и калтаманство — мелкое воровство. Считаясь подданными то Хивы, то Персіи, они всегда враждовали со своими номинальными господами и стремились къ освобожденію отъ всякой зависимости, производя громадными вооруженными толпами на своихъ быстроногихъ коняхъ разбойническіе набѣги всего чаще на пограничныя владѣнія Персіи. Эти средне-азіатскіе разбойники однимъ своимъ появленіемъ производили панику на слабыхъ персовъ, съ которыми они поступали весьма жестоко, грабя все, что попадалось на глаза, убивая сопротивляющихся и продавая въ рабство на рынкахъ Хивы и Бухары мужчинъ и женщинъ. Подъ вліяніемъ русскаго владычества совершилась удивительно быстрая перемѣна въ этомъ отношеніи съ туркменами: аламанство и даже калтаманство почти уже отошли въ область прошлаго; всѣ туркмены оставили свои грабежи и разбои и предались мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, скотоводству и даже торговлѣ, переходя все болѣе и болѣе къ осѣдлому образу жизни. Въ этомъ заключается громаднѣйшая заслуга русской администраціи, которая въ весьма короткое время сѣумѣла умиротворить это разбойничье средне-азіатское гнѣздо. Въ наслѣдство отъ прежней жизни осталось у туркменъ отвращеніе къ труду, лѣнь, которою особенно отличаются гокланы, порабощеніе женщины, которая считается домашнею вещью и почти покупается и которая несетъ на себѣ всю тяжесть домашнихъ работъ, хотя, впрочемъ, она пользуется большею свободою, чѣмъ у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана. Русское владычество и съ этой стороны оказало свое благотворное вліяніе, облегчая понемногу тяжелое положеніе женщины. Въ умственномъ отношеніи всѣ туркмены и особенно изъ нихъ—гокланы стоятъ ниже сартовъ и киргизовъ,

¹⁾ „Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 г.“ Асхабадъ, 1897 г., стр. 26—27.

не отличаясь даже простою воспримчивостью; поэтому русскимъ предстоитъ много труда въ перевоспитаніи ихъ. Религіозное чувство также слабо; вслѣдствіе этого нѣтъ, къ нашему удовольствію, и религіознаго фанатизма. Школьное образованіе пытаются насадить здѣсь бухарскіе и хивинскіе выходцы; но бывшій начальникъ Закаспійской области А. Н. Куропаткинъ не разъ высылалъ ихъ, за ихъ вредную дѣятельность, изъ края. Въ остальномъ туркмены имѣютъ большое сходство съ киргизами, къ которымъ они, впрочемъ, относятся съ презрѣніемъ и не роднятся, съ тѣмъ только различіемъ, что характерныя черты выражены у туркменъ рѣзче, рельефнѣе; лучшимъ племенемъ изъ нихъ считаются текинцы, а худшимъ—гокланы.

Остальную массу населенія, до 15% общего состава, или до 800 т. человекъ, составляютъ разныя пришлыя мелкія народности. Арабы, хотя и потомки прежнихъ мусульманскихъ просвѣтителей, но пользуются дурною репутаціей, какъ лгуны и ловкіе мошенники. Евреи, презираемые и преслѣдуемые въ прежнее время, только съ приходомъ русскихъ сдѣлались равноправны; они занимаются ремеслами, торговлею и особенно ростовщичествомъ. Персы—рабы или потомки рабовъ, мусульмане шиитскаго толка, а потому держатся особнякомъ. Татары—выходцы изъ Россіи: или бѣглые прежняго времени, недовольные русскими порядками, или позднѣйшіе переселенцы; хотя они и занимаются земледѣліемъ, ремеслами, но больше всего любятъ торговать, быть переводчиками и проповѣдниками ислама въ качествѣ муллъ и школьныхъ учителей. Такая дѣятельность ихъ вредитъ русскому дѣлу въ краѣ. Таранчи и дунгане,—выходцы изъ Китая,—занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Индусы, занимающіеся исключительно ростовщичествомъ, приходятъ сюда, какъ на отхожій промыселъ; вредная дѣятельность ихъ заставила администрацію прибѣгнуть къ нѣкоторымъ ограниченіямъ по отношенію ихъ. Цыгане—паразиты мѣстнаго населенія, какъ и собратья ихъ въ Европѣ. Армяне, которыхъ всего больше въ Закаспійской области и дальше, вдоль по линіи желѣзной дорогѣ, занимаются торговлею;—и нѣкоторые другіе.

Въ религіозномъ отношеніи Туркестанскій край представляетъ замѣчательное однообразіе. Болѣе 96⁰/₁₀₀ всего населенія его—магометане и при томъ всѣ—суннитскаго толка. Остальные 4⁰/₁₀₀ составляютъ православные (русскіе), армяно-григоріане (армяне), евреи, мусульмане шіитскаго толка (персы), язычники (индусы) и самая незначительная часть временно проживающихъ въ краѣ католиковъ и протестантовъ. Такимъ образомъ наши средне-азіатскія владѣнія представляютъ изъ себя мусульманскую страну. Мусульманскій характеръ ея усиливается еще населеніемъ подвластныхъ намъ ханствъ, Хивы и Бухары, и сосѣдствомъ мусульманскихъ странъ Афганистана и Персіи на югѣ и Степнаго генераль-губернаторства и Тургайской области на сѣверѣ. Мусульманство очень крѣпко засѣло въ осѣдлой части населенія, которая высылаетъ своихъ эмиссаровъ для религіозной пропаганды къ кочевникамъ. Всякій, кто хотя отчасти изучилъ исламъ, какъ религіозную доктрину, знаетъ, что въ немъ нѣтъ духовенства; обязанности лицъ, которыхъ мы считаемъ духовными, у мусульманъ можетъ совершать всякій совершеннолѣтній, свободный и грамотный человѣкъ, умѣющій читать, хотя бы даже и безъ всякаго пониманія молитвы, и знающій способъ совершенія ихъ, кромѣ женщинъ. Исламъ—это въ полномъ смыслѣ безпоповщина, какою онъ и доселѣ продолжаетъ оставаться въ мусульманскихъ государствахъ и въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Въ другихъ же частяхъ нашего государства,—замѣчу кстати,—мы снабдили исламъ оффиціальнымъ духовенствомъ. Вотъ почему тѣ лица, которыя по роду своей дѣятельности имѣютъ сходство съ духовенствомъ, не имѣютъ въ Средней Азіи этого послѣдняго значенія и не пользуются, къ нашему удовольствію, особымъ вліяніемъ на населеніе. Имамы,—предстоятели на молитвѣ,—руководятъ молящимися во время намаза, совершаютъ нѣкоторыя такъ называемыя требы, лечатъ больныхъ и иногда занимаются дѣломъ первоначальнаго обученія. Дальше этого они не идутъ въ своей дѣятельности; роль ихъ совершенно ступенчата особенно въ городахъ; только въ деревняхъ они, какъ грамотные люди, имѣютъ кое-какое значеніе. Остальные же низшіе служители при здѣшнихъ мечетяхъ

имѣють еще меньше значенія и вліянія. Будетъ очень жаль, если мы признаемъ, по примѣру остальныхъ мусульманскихъ частей нашего государства, за этими лицами официальный характеръ.

Главная сила, или, лучше сказать, главный оплотъ средне-азіатскаго мусульманства заключается въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя всѣ имѣють вѣроисповѣдной характеръ, и въ такъ называемомъ суфизмѣ. Низшими учебными заведеніями въ краѣ служатъ: болѣе общаго характера, первоначальная школа грамотности—мактабъ, специально для изученія нѣкоторыхъ молитвъ—далиль-хана, и для слѣпцовъ, изучающихъ Коранъ наизусть—карыхана. Изъ нихъ особенно распространенъ первый типъ: мактабы существуютъ почти при каждой приходской мечети. Вліяніе всѣхъ этихъ школъ, вслѣдствіе крайней ограниченности, узкости и односторонности учебнаго курса, а также вслѣдствіе крайней механичности обученія и даже полного непониманія учащимися того, что изучаютъ на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, вліяніе всѣхъ этихъ школъ на народную массу незначительно. Результаты, достигаемые мактабами, въ большинствѣ случаевъ такъ плачевны, что въ ученикахъ этихъ школъ наблюдается громадный рецидивизмъ въ сторону безграмотности. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что, хотя въ краѣ и много низшихъ мусульманскихъ школъ, но грамотныхъ въ средѣ взрослыхъ туземцевъ весьма мало. Выспія же мусульманскія учебныя заведенія, мадраса, наоборотъ, имѣють громадное значеніе въ дѣлѣ усиленія ислама и громадное вліяніе на туземное населеніе. Здѣсь изучаются мусульманское вѣроученіе, Коранъ, толкованія на него и многочисленные отдѣлы шаріата, арабскій, персидскій языки и ихъ литературы и пр.: изъ свѣтскихъ наукъ преподаются только нѣкоторыя, которыя или представляютъ изъ себя схоластическую дребедень, или такъ искажены, что не могутъ служить даже жалкимъ подобіемъ тѣхъ наукъ, имена которыхъ онѣ носятъ. Все это крайне жалко, безжизненно, плохо и уродливо. Подъ „наукою“, „изученіемъ“ здѣсь разумѣтся изученіе ислама, который весь ушелъ въ схоластику и обрядность. Такое образо-

ваніе не развиваетъ мысль человѣка, а подавляетъ ее, не расширяетъ горизонтъ, а суживаетъ его, способствуетъ не прогрессу народа, а приводитъ его къ регрессу. Но самое вредное вліяніе этихъ школъ на народъ выражается въ томъ, что онѣ служатъ разсадниками ханжества, обскурантизма и заядлаго фанатизма. Преподаватели здѣшніе, муддарисы, старательно доказываютъ мулламъ (учащимся), что „на ихъ священной обязанности лежитъ истребленіе всѣхъ иновѣрныхъ, что каждый изъ нихъ долженъ жертвовать опредѣленную часть своего имущества (зйкатъ) на бѣдныхъ мусульманъ и на веденіе священной войны“ и пр. Отсюда всякій послѣдователь Мухаммеда, чѣмъ больше образованъ въ мусульманскомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе фанатиченъ. Изъ этихъ высшихъ мусульманскихъ школъ выходятъ муддарисы (профессора), казіи (религіозно-народные судьи), муфтіи (ихъ секретари) и пр., словомъ—вся туземная весьма вліятельная интеллигенція, всѣ должностныя лица, которыя служатъ выразителями общественнаго мнѣнія и жизни. Всѣ эти мадраса устроены частными лицами и обезпечены въ своемъ существованіи доходами съ завѣщанныхъ въ ихъ пользу заповѣдныхъ имѣній, такъ называемыхъ вакуфовъ, этого „неотчуждаемаго достоянія Бога“. Хотя какъ сами мадраса, такъ и ихъ вакуфы, находящіеся въ вѣдѣніи мутаваліевъ, должны находиться подъ контролемъ казіевъ, но уже давно контроль этотъ сдѣлался фиктивнымъ; вслѣдствіе чего вакуфы, изъ которыхъ многіе весьма значительны, безсовѣстно расхищаются какъ мутаваліями, такъ и казіями. На основаніи всего этого въ высшей степени опасно, вредно какъ для нашего дѣла, такъ и въ видахъ нашей политики, и даже преступно съ русской точки зрѣнія—оставлять безъ всякаго надзора туркестанскія мадраса, эти въ высшей степени важныя разсадники мусульманскаго фанатизма, и ихъ богатѣйшія достоянія—вакуфы, какъ это сдѣлано совершенно неосновательно и крайне неосмотрительно въ послѣднее время управленія краемъ бар. Вревскаго, по почину дѣйствовавшего изъ совершенно необъяснимыхъ побужденій г. Керенскаго. По ходатайству генераль-губернатора Н. О. Розенбаха и по инициативѣ бывшаго въ то время главнаго инспектора училищъ

А. И. Забѣлина, была учреждена особая должность инспектора народныхъ училищъ, который вѣдалъ и управлялъ мусульманскими учебными заведеніями въ краѣ и тѣмъ, конечно, вакуфами, на средства которыхъ они содержатся. Специалистъ В. П. Наливкинъ, съ честью занимавшій эту должность съ 1890 по 1896 г., привелъ въ полную и всестороннюю извѣстность всѣ мадраса края, успѣлъ изучить во всѣхъ подробностяхъ вѣренное ему дѣло, отлично управлялъ имъ, приводя въ должный порядокъ какъ мадраса, такъ и ихъ вакуфы, внося въ это дѣло новую, лучшую, русскую струю жизни, поддерживая все полезное и необходимое и искореняя постепенно все вредное и идущее въ разрѣзъ съ русскими цѣлями и задачами, обнаруживая злоупотребленія разныхъ туземныхъ просвѣтителей и расхитителей общественнаго достоянія. Главною цѣлью своихъ служебныхъ стремленій онъ считалъ сохраненіе и упорядоченіе вакуфовъ съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ крупныхъ матеріальныхъ средствъ, внести въ средне-азиатскую мусульманскую школу истинный свѣтъ русскаго образованія. Предъ нами, русскими туркестанцами, уже предносилась близкая, постепенно и осторожно проведенная реформа туркестанскихъ мадрасъ, со введеніемъ въ нихъ разныхъ русскихъ курсовъ, начиная, отъ курсовъ русскаго разговорнаго языка до курсовъ разныхъ учебныхъ предметовъ включительно, которые способствовали бы сближенію туземцевъ съ русскими, какъ вдругъ совершенно неожиданно 8-го іюля 1896 г. за № 27 объявленъ былъ слѣдующій приказъ бар. Вревскаго: „Для болѣе правильной постановки надзора за низшими училищами вѣреннаго миѣ края разрѣшаю, съ согласія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, раздѣлить ихъ съ 1-го сентября сего года на три района и третій районъ поручить коллежскому совѣтнику Наливину, который завѣдывалъ только мусульманскими школами, съ подчиненіемъ всѣмъ тремъ инспекторамъ находящихся въ ихъ районахъ училищъ русскихъ и мусульманскихъ“... Прежде всего такое распоряженіе страдаетъ внутреннимъ логическимъ противорѣчіемъ, такъ какъ для болѣе правильной постановки надзора за мусульманскими школами нужно ввѣрить ихъ спеціал-

листу, а не зауряднымъ инспекторамъ, какими являются остальные двое. Затѣмъ это распоряженіе совершенно неожиданно, и ничѣмъ не вызвано, такъ какъ главный виновникъ этой реформы г. Керенскій въ сочиненіи, помѣщенномъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за ноябрь 1892 г., заявляетъ полное сочувствіе и одобреніе дѣятельности инспектора г. Наливкина. Вотъ что писано здѣсь: „Предъ лицомъ инспекціи, близко поставленнымъ къ этимъ школамъ, знаткомъ языка и быта туземцевъ, послѣдніе не только не скрываютъ настоящаго положенія медресе, но часто сами указываютъ на укоренившіеся въ нихъ недостатки и безпорядки, просятъ поправить и улучшить дѣло. Каковы бы ни были въ настоящее время поправки и улучшенія въ высшей туземной школѣ; школа эта, оставаясь народною, или мусульманскою, не должна оставаться обособленною отъ русскаго вліянія, не должна чуждаться просвѣтительнаго воздѣйствія на нее со стороны русскаго правительства. Необходимыя для этого дѣла средства найдутся въ самихъ медресе. Для этого слѣдуетъ только упорядочить училищныя вакуфы и наблюдать, чтобы доходы съ нихъ получались и расходовались правильно“ (стр. 50—51). „Лицамъ учебнаго вѣдомства часто приходится выслушивать отъ туземцевъ вопросъ о томъ, скоро ли будутъ введены въ медресе новые порядки“ (стр. 36). Наконецъ, разбираемое мною распоряженіе вредно для самаго дѣла. Заурядные инспектора народныхъ училищъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за мусульманскими школами въ двухъ районахъ, а въ настоящее время, — съ уходомъ г. Наливкина изъ учебнаго вѣдомства, — во всемъ краѣ, совершенно непригодны къ роли завѣдывающихъ мусульманскими школами, такъ какъ они совершенно не владѣютъ туземными языками и нисколько незнакомы съ исламомъ. Надзоръ со стороны такихъ не понимающихъ этого дѣла лицъ дѣлается не только вполне фиктивнымъ, но и вреднымъ. Итакъ учебное вѣдомство въ лицѣ своего главнаго представителя здѣсь оказалось въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ громадную государственную важность, далеко не на высотѣ своего призванія. Чѣмъ скорѣе будетъ восстановлена должность специалиста-инспектора мусульманскихъ школъ въ

краѣ, тѣмъ болѣе мы будемъ освѣдомлены о всѣхъ волненіяхъ и разныхъ политическихъ сюрпризахъ для насъ съ этой стороны, тѣмъ и положеніе наше въ краѣ будетъ прочнѣе. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поѣздка въ Фынъ-Коу священника Н. Шастина ¹⁾).

„10 января сего 1902 года явились ко мнѣ Китайцы Гао, Сюй и еще нѣсколько другихъ и объявили, что они посланы своими односельцами въ Ханькоу, чтобъ избрать изъ христіанскихъ церквей одну, которая покажется имъ лучшею, и просить ея вѣропроповѣдниковъ изложить имъ свое вѣроученіе, такъ какъ они желаютъ принять христіанскую вѣру, но ни одна изъ извѣстныхъ имъ церквей имъ не нравится по внутреннему ихъ устройству и, главнымъ образомъ, по тому произволу, какой господствуетъ среди вѣропроповѣдниковъ. Далѣе посланцы объявили, что выборъ ихъ остановился на Русской церкви и просили меня изложить имъ наше вѣроученіе и правила“.

Введя Китайцевъ въ храмъ и разъясняя имъ одно за другимъ святыя изображенія иконостаса, о. Шастинъ постепенно рассказалъ православное вѣроученіе, объяснивъ въ заключеніе, что наша Церковь не преслѣдуетъ никакихъ другихъ земныхъ цѣлей, какъ-то: обогащенія, владычества надъ народами и пр.

Выслушавъ это, продолжаетъ о. миссіонеръ, Китайцы сказали, что все это имъ очень нравится, что и они, ища единенія съ нашею Церковью, не преслѣдуютъ другихъ цѣлей, а лишь желаютъ спасенія души. Затѣмъ они спросили, какъ именуется Русская Церковь въ официальныхъ бумагахъ и добавили: изъ словъ твоихъ мы поняли, что вы проповѣдуете того же Иисуса.

¹⁾ Изъ отчета, доставленнаго имъ Пекинской миссіи, Москов. Вѣд. № 95.
Ред.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Иѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ихъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1902.

Годъ десятый.

ТОМЪ I.

№ 8.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902

Илеменной и вѣроисповѣдный составъ населенія Туркестанскаго края ¹⁾).

Другою еще болѣе важною и крупною силою среднеазиатскаго мусульманства является суфизмъ, или дервишизмъ (у туземцевъ— тасавуфъ). Это—особое теченіе въ исламѣ, имѣющее нѣкоторое весьма отдаленное сходство съ нашимъ христіанскимъ монашествомъ. Хотя суфизмъ имѣетъ весьма мало общаго съ исламомъ, этою весьма сухою и слишкомъ прозаичною религіей, хотя онъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ покоится на пантеистическихъ и мистическихъ воззрѣніяхъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ исламѣ, но тѣмъ не менѣе онъ, какъ порожденіе ислама, ухитрился слиться съ нимъ, какъ его болѣе возвышенная форма религіи. Суфя Султанъ Арефинъ (XII ст.) говоритъ: „шаріать—только оболочка религіи, содержаніе ея—тарикать“ (путь духовнаго совершенства въ суфизмѣ). На высшихъ своихъ ступеняхъ, суфи, какъ пантеисты, доходитъ не только до отрицанія ислама, но и до самообожествленія. Суфизмъ мусульманскій стремится къ полному уничтоженію индивидуальности въ человѣкѣ и къ сліянію его съ божествомъ; средствомъ для этого служить тарикать—путь духовнаго совершенства. Достигшіе наивысшей ступени тариката называются шейхами, пирами, ишанами (настоятели). ученики же ихъ называются мюридами (жаждущіе), которые принимаются въ общество послѣ долговременнаго искуса. Мюридъ не долженъ имѣть ничего своего и обязанъ отказаться отъ своей личности; въ рукахъ ишана находится вся жизнь и самая смерть мюридовъ, которые не имѣютъ ни своихъ желаній, ни своей воли,

¹⁾ Окончаніе. См. „Правосл. Благов.“ № 7, стр. 310—318.

которые обязаны безпрекословно исполнять всякое желаніе ишана и которые могутъ спасти себя только чрезъ ишана; словомъ, мюриды въ рукахъ ишана—болѣе слѣпое орудіе, чѣмъ послѣдователи Лойолы (іезуиты) въ рукахъ своихъ наставниковъ. Въ этомъ заключается громадная сила и громадная опасность для насъ суфизма. Однимъ изъ средствъ экзальтированія мюридовъ служатъ особыя радѣнія (зикръ) подъ предсѣдательствомъ ишана, состоящія изъ различныхъ тѣлодвиженій до религіознаго танца включительно, способствующихъ подавленію плоти, и многократнѣйшихъ повтореній разныхъ именъ Божіихъ, имѣющихъ цѣлью водворить ихъ сначала на своихъ устахъ, затѣмъ въ груди и наконецъ въ сердцѣ, что всего болѣе способствуетъ временному сліянію мюрида съ божествомъ. Дикую, но въ то же время весьма внушительную по силѣ развивающагося здѣсь фанатизма, картину представляютъ изъ себя эти радѣнія. Одни послѣдователи суфизма произносятъ на этихъ зикрахъ имена Божіи про себя и называются хуфія, а другіе—вслухъ, громко и даже иногда неистово выкрикиваютъ ихъ и называются джагрія.

Кромѣ того они раздѣляются еще на нѣсколько орденовъ (сулюкъ), между которыми нѣтъ существенныхъ различій; такихъ орденовъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ три: Накшбандія, Кадырія и Каляндари. Всѣ они имѣютъ въ разныхъ мѣстахъ края свои филиальныя отдѣленія, подъ управленіемъ второстепенныхъ ишановъ, всецѣло подчиняющихся своему главному ишану (пиру). Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ суфизмъ болѣе и болѣе распространяется въ мусульманскихъ странахъ. Онъ имѣетъ постоянныхъ своихъ мюридовъ, которые живутъ при ишанѣ въ особыхъ общежитіяхъ (такія) и всегда готовы идти всюду на всякое дѣло по первому его требованію, и такихъ, которые какъ бы считаются въ отпуску, проживая въ своихъ домахъ и составляя, такъ сказать, запасъ, который въ важныхъ случаяхъ призывается ишаномъ къ исполненію. Численность послѣднихъ мюридовъ особенно значительна; нѣкоторые ишаны имѣютъ у себя до 10 т. человѣкъ послѣдователей. Ишаны весьма часто разѣзжаютъ по городамъ, селеніямъ и ауламъ, находящимся въ чертѣ ихъ вліянія, усиленно собирая и выжимая подаянія, распространяя свои идеи

и вербуя себѣ послѣдователей. Въ туземномъ населеніи они пользуются громаднѣйшимъ авторитетомъ; они—главные духовные руководители народа; изъ нихъ главнымъ образомъ вербуются мусульманскіе святые и даже разные политическіе дѣятели. Правда, нѣкоторые изъ нихъ наиболѣе жадные до наживы, не пользуются симпатіями туземцевъ; но и они всегда окружены внѣшнимъ почетомъ и уваженіемъ. Къ числу наиболѣе излюбленныхъ и усердно распространяемыхъ ими идей относятся: подъемъ ислама и его исповѣдниковъ, недовольство существующимъ порядкомъ и ниспроверженіе его. Вотъ почему они всегда производили и производить политическія волненія и смуты. „Достаточно сказать, говоритъ г. Наливкинъ, что всѣ мусульманскіе правители съ давнихъ временъ считали для себя обязательнымъ имѣть въ качествѣ духовниковъ и руководителей популярных и вліятельныхъ ишановъ, дѣйствовавшихъ настолько искусно, что правители играли только фиктивную роль представителей власти. Былъ случай, когда суфи добылъ своей фамиліи тронъ. Иногда суфи поднимали руку на нежелательныхъ имъ правителей“ („Туркест. Вѣд.“ 1898 г., № 61). Во всемъ этомъ въ высокой степени оригинальномъ, сложномъ и сильномъ явленіи религіозной жизни ислама, — въ суфизмѣ, — заключается для насъ, русскихъ, сильный тормазъ нашему вліянію и величайшая политическая опасность для нашего господства въ краѣ. Суфизмъ со своими ишанами и мюридами никогда и ни въ чемъ не можетъ быть нашимъ союзникомъ; онъ можетъ быть только нашимъ врагомъ всегда и во всемъ. Непростительно и даже преступно съ нашей стороны оставлять его на произволъ судьбы, предоставивъ его собственному теченію и развитію, какъ дѣлали мы по своей безпечности до сихъ поръ. Мы должны во что бы то ни стало скорѣе изучить его во всѣхъ его деталяхъ, парализовать его вліяніе на народную массу и ослабить его численность; въ противномъ случаѣ наша либеральная вѣротерпимость, добродушіе и безпечность погубятъ наше дѣло въ Средней Азіи и породятъ еще болѣе грустныя явленія, чѣмъ послѣднія андиджанскія.

Во всемъ современномъ цивилизованномъ мірѣ, повидимому, прочно установился тотъ фактъ, что все населеніе русскихъ

средне-азиатскихъ владѣній не только вполне усмирено, но даже чуть не благословляетъ русское господство, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, 18-го мая 1898 года, намъ пришлось значительно разочароваться въ этомъ. Въ ночь на этотъ день шайка въ 2.000 слишкомъ человекъ, подъ начальствомъ ишана Мухаммедъ-Али-Хальфы изъ кишлака Минъ-тюпе, въ располхъ напала на мирно спавшій лагерь изъ 163 человекъ подъ Андиджаномъ, при чемъ убила 22 нижнихъ чина, ранила 18 человекъ и отняла 31 винтовку. При этомъ не могу пройти молчаніемъ, что въ этой шайкѣ бунтарей принимали участіе 16 волостныхъ правителей, народныхъ судей и ихъ кандилатовъ (вотъ достойные результаты нашей либеральной выборной системы, которую мы практикуемъ чуть не у всѣхъ своихъ дикарей и полудикарей!). Проснувшійся лагерь черезъ 15 минутъ разсѣялъ эту шайку. Первоначально замыселъ ишана былъ довольно серьезный: предполагалось сразу начать на русскихъ въ разныхъ мѣстахъ Ферганской области, перебить разныя части отдѣльно, затѣмъ поднять все туземное населеніе, провозгласить священную войну (газавать) и наконецъ ниспровергнуть русское владычество, которое, хотя, по признанію самаго ишана, характеризуется мягкимъ характеромъ, но способствуетъ порчѣ туземныхъ нравовъ, отступленіямъ отъ требованій шаріата и ослабленію семейныхъ основъ. Заявленіе—весьма знаменательное. Ишанъ на слѣдствіи не жаловался ни на оскуднѣніе денежныхъ средствъ, ни на обѣднѣніе народа, ни на притѣсненія русской власти, ни даже на эксплуатацію ея. Съ этой стороны мы должны утѣшаться. Выводъ изъ этого вполне несомнѣненъ тотъ, что туркестанское туземное населеніе, подъ нашимъ владычествомъ, благоденствуетъ и даже богатѣетъ. Въстѣ объ этомъ дерзкомъ и безумномъ нападеніи, какъ громомъ, поразила своею неожиданностью не только всѣхъ русскихъ, но и самую русскую администрацію въ Туркестанѣ, которая въ то время страдала непростительною безпечностью и полнымъ nepотизмомъ, ограничиваясь только воздыханіями объ ослабленіи своей власти и о подчиненіи себѣ русскаго суда и состоящаго при немъ прокурорскаго надзора. За этими своими безплодными занятіями она просмотрѣла свою коренную задачу—слѣдить за разными вы-

ходящими изъ нормы явленіями туземной народной жизни. Она, къ нашему удивленію, просмотрѣла давно подготовлявшееся возстаніе минъ-тюбинскаго ишана. Она упорно закрывала свои глаза на то, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ росъ и крѣпъ этотъ ишанъ, какъ къ нему каждый день собиралось по нѣскольку сотъ его учениковъ, изъ которыхъ многіе жили и кормились у него постоянно; она не обратила вниманія на усилившіеся еще въ 1897 году въ Коканѣ весьма смѣлые грабежи и разбои; она игнорировала и разные подметныя письма, въ которыхъ предупреждалось о священной войнѣ со стороны туземцевъ. Результатомъ этого и было то, что случилось 18-го мая 1898 г. подѣ Андиджаномъ. Сильная русская власть, въ лицѣ слѣдующаго главнаго начальника края, генерала Духовскаго, счумѣла при тѣхъ же средствахъ, на недостаточность которыхъ все время жаловалась предшествовавшая власть, не только подавить возстаніе, но и смирить все населеніе этой мѣстности, которое на колѣнахъ выпрашивало себѣ прощеніе, а также и принять рядъ мѣръ къ устраненію подобныхъ явленій на будущее время. „Распространенію заговора, какъ совершенно справедливо заявило правительственное сообщеніе, способствовало совершенное отсутствіе контроля надъ проявленіемъ духовной жизни народа“. Даже кавказскіе мюриды съ Шамилемъ во главѣ не послужили надлежащимъ урокомъ для Туркестана. Вотъ что значитъ отсутствіе стройной системы въ дѣлѣ управленія окраинами и разными нашими инородцами. Чѣмъ скорѣе будетъ организовать этотъ надзоръ, чѣмъ скорѣе мы сбросимъ съ себя непростительную безпечность, доходящую до полной халатности, тѣмъ скорѣе мы разстанемся съ нѣкоторыми вредными либеральными взглядами вѣротерпимости до посѣщенія представителемъ русской власти въ краѣ могилъ мусульманскихъ святыхъ (зіяратъ—отчасти соотвѣтствуетъ нашей панихидѣ) включительно, тѣмъ управленіе наше въ краѣ будетъ разумнѣе и полезнѣе для той и другой стороны, т.-е. для насъ, русскихъ, и туземцевъ, тѣмъ скорѣе и прочвѣе край этотъ сольется со своею метрополіей.

При этомъ спѣшу напомнить еще объ одной опасной для насъ, русскихъ, силѣ средне-азиатскаго мусульманства—о мад-

дахъ, публичныхъ рассказчикахъ на туземныхъ базарахъ. Ждать добра отъ этихъ безконтрольныхъ и безцензурныхъ религиозныхъ и политическихъ ораторовъ, эксплуатирующихъ кошельки и сердце легковѣрной ко всему туземной толпы и доводящихъ ее даже до экзальтаціи, также не приходится. Чѣмъ скорѣе и они будутъ подобраны къ русскимъ рукамъ, тѣмъ благосостояніе края только больше выиграетъ. Въ настоящее время во всѣхъ большихъ туркестанскихъ городахъ невольно приходится поражаться контрастомъ между стѣсненіемъ, наприм., даже столичной, печати и полною свободою, даже разнузданностью слова у здѣшнихъ туземцевъ.

При управленіи своими средне-азиатскими владѣніями мы не должны обольщаться внѣшнимъ, наружнымъ спокойствіемъ ихъ, а должны быть всегда на стражѣ и зорко слѣдить за всѣми проявленіями народной, а тѣмъ болѣе религиозной жизни населенія, которое вѣками и даже тысячелѣтіями воспиталось въ разныхъ смутахъ, междоусобіяхъ и измѣнахъ. Все историческое прошлое Средней Азіи, никогда не наслаждавшейся миромъ, ясно свидѣтельствуешь намъ, что мы должны потратить слишкомъ много времени и труда на перевоспитаніе здѣшняго населенія прежде, чѣмъ предаться собственному спокойствію. Какъ только исторія помнить себя, край этотъ постоянно подвергается крупнымъ нашествіямъ и мелкимъ набѣгамъ разныхъ народовъ и ихъ честолюбцевъ, которые или искали здѣсь для себя культурныхъ земель и большаго простора, или желали распространить свое владычество и вѣру, или, наконецъ, стремились къ быстрой и легкой наживѣ и даже просто пограбить. Здѣсь прошли персы, греки, китайцы, арабы, монголы; всѣ они и разныя другія мелкія народности приносили съ собою не столько культуру,—хотя и въ этомъ нельзя отказать нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно персамъ и грекамъ,—сколько раздоръ, мечъ, войну и народныя бѣдствія. Передъ приходомъ русскихъ политическое господство въ этомъ краѣ дѣлилось главнымъ образомъ между тремя ханствами: Коканомъ, Бухарою и Хивою. Каждое изъ этихъ государствъ, управляя своею страню чисто деспотически, оспаривало другъ у друга въ пограничныхъ мѣстахъ съ беспощадною жестокостью

свою власть; каждое стремилось расширить предѣлы своего вліянія на счетъ другаго и одному господствовать на всемъ пространствѣ этой части Средней Азіи. Отсюда—постоянные, нескончаемые между ними споры, раздоры, войны, крупныя походы и мелкіе хищническіе набѣги. Будучи довольно слабыми внутри себя и не имѣя даже возможности держать въ повиновеніи разныя мелкія народности, входящія въ составъ ихъ, особенно киргизовъ, этихъ вольныхъ, какъ вѣтеръ, сыновъ среднеазіатскихъ степей, Коканъ и Хива не могли, а иногда, вслѣдствіе своей политической близорукости, даже и не хотѣли сдерживать набѣговъ послѣднихъ на наши пограничныя владѣнія. Средняя Азія представляла въ то время постоянно волнующееся военною бурей море; безпрерывныя волны этой средне-азіатской безурядицы, производя опустошенія на нашихъ берегахъ, постоянно и при томъ помимо нашей воли вынуждали насъ идти въ глубь Средней Азіи съ тѣмъ, чтобы положить конецъ такому безпокойному для насъ политическому порядку вещей. Неудержимая сила событій влекла насъ все далѣе въ глубь страны и привела насъ, вопреки самимъ себѣ, до границъ Афганистана и Персіи и повлечетъ насъ въ будущемъ и еще дальше.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шедше научите всѣмъ языки, крѣщае
ихъ во имя Отца и Сына и Свяго Духа.
Матѳ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1902.

Годъ десятый.

ТОМЪ III.

№ 24.

Д Е К А Б Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902

С а р т ы.

Значительную часть населенія нашихъ Средне-азіатскихъ владѣній составляютъ сарты,—народъ иранскаго племени съ нѣкоторою примѣсью тюрко-монгольскаго элемента.

Сарты обыкновенно средняго роста, плотно и стройно сложены, въ движеніяхъ ихъ всегда сохраняется плавность и та нѣкоторая апатія, которая такъ свойственна всѣмъ жителямъ Востока (кромѣ афганцевъ).

Сарты по большей части очень красивы: ихъ черты лица тонки и правильны, а красивые черные глаза выразительны и не лишены ума. Вообще, природа надѣлила сартовъ хорошими умственными способностями, которыя и проявляются въ большой смысленности сартовъ, въ особенности-же въ торговомъ отношеніи.

Какъ мусульмане, головы сарты брѣютъ на-голо, бородъ не сгригутъ, носятъ на головѣ остроконечную тюбитейку, вышитую шелкомъ,—и даже самые бѣдные не появляются безъ этого головного убора. Нижней одеждой ихъ служитъ грубая холщевая рубаха, вродѣ женской, короткіе штаны, заправленные въ ичиги (мягкіе сапоги безъ каблукъ), на которые надѣваются калоши, оставляемые сартомъ у порога своего жилища,—входитъ въ калошахъ считается грѣхомъ. Халаты всевозможныхъ цвѣтовъ и достоинствъ, широкій длинный поясъ,—а у богатыхъ и ученыхъ чалма,—довершаютъ костюмъ сарта.

Сартовъ можно раздѣлить на три класса: 1) представители мусульманской науки, къ которымъ относятся кадїи (судья), ал-гямы и муфтіи (секретари судей); имамы, суфи, ишаны, мудариссы и муллы (лица, занимающія различныя духовныя долж-

ности); 2) торговцы и вообще люди коммерческіе (баи) и 3) ремесленники и земледѣльцы.

Среди представителей мусульманской науки нѣтъ образованныхъ людей, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и европейская наука до прихода русскихъ въ край совершенно была неизвѣстна сартамъ; только за послѣдніе 10 лѣтъ наше правительство организовало болѣе или менѣе правильную постановку образованія туземцевъ, и способное населеніе быстро поддавалось этому прекрасному вліянію. Въ Ташкентѣ была даже учреждена туземная газета, въ которой, кромѣ оффиціальныхъ распоряженій, сообщалось туземцамъ много полезнаго и поучительнаго.

Въ туземныхъ школахъ не преподавалось совершенно естественно-математическихъ наукъ, а равно исторіи и географіи; на-ряду съ туземными были устроены также русско-туземныя школы, въ которыхъ мальчикъ-сартъ обучался по программѣ русскихъ учебныхъ заведеній и покидалъ школу съ солидными познаніями для туземца. За послѣдніе два года ученики этихъ школъ совершили рядъ экскурсій по Россіи, были въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Неохотно приняли сарты эти нововведенія, особенно препятствовало этому туземное духовенство, считавшее грѣховнымъ дѣломъ изучать науку „невѣрныхъ“, но мало-по-малу туземцы поняли пользу отъ русско-туземныхъ школъ и даже болѣе богатые стали отдавать своихъ дѣтей въ гимназіи.

Въ семейной жизни сартъ отличается чадолубіемъ, выражающимся въ ласковомъ отношеніи къ дѣтямъ. Всегда на улицахъ туземныхъ городовъ и селеній вы увидите бородаатаго сарга, нянчащаго маленькаго ребенка.

Къ старшимъ и въ особенности къ старикамъ сарты необыкновенно почтительны. Однимъ изъ большихъ золъ въ семейной жизни сарта является многоженство и вообще униженное положеніе женщины на Востокѣ (кромѣ афганцевъ, у которыхъ женщина въ большомъ почетѣ).

Неровное отношеніе отца къ дѣтямъ отъ разныхъ матерей и мужа къ женамъ ставитъ послѣднихъ иногда въ очень тяжелое положеніе, а гл. 4 ст. 38 Корана, по которой „мужъ мо-

жетъ бить свою жену“, порождаетъ въ семейныхъ кругахъ сартовъ иногда ужасныя трагедіи. Въ обществѣ своихъ женъ сарты не любятъ проводить время, считая, что отъ этого только можно поглупѣть.

Домашній бытъ сартовъ очень не сложенъ и отличается своимъ однообразіемъ и сходствомъ между собою какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ, развѣ только что у послѣднихъ женщины совершенно изолированы отъ мужчинъ и для нихъ устроены совершенно отдѣльныя помѣщенія (гаремы), а у бѣднака по-неволѣ всѣ ютятся въ общей саклѣ.

Общественная жизнь сарта течетъ такъ-же однообразно, какъ и домашняя. По праздникамъ сарты посѣщаютъ другъ друга, а иногда сходятся на особыя вечеринки, называющіяся „джура“. Обыкновенно эти торжества знаменуютъ рожденіе ребенка, его обрѣзаніе, окончаніе ученія его или женитьбу, а также похороны и поминки. Иногда у богачей такія „джура“ обходятся до 10,000 рублей.

Но самымъ излюбленнымъ мѣстомъ для времяпровожденія у сартовъ является базаръ — по-истину клубъ средне-азіатскаго туземца. На базарѣ онъ узнаетъ всѣ новости, съ быстротою молніи облетающія Туркестанскій край; здѣсь, онъ, попивая зеленый чай или наслаждаясь вкуснымъ пловомъ, ведетъ бесѣды о своихъ дѣлахъ, рѣшаетъ торговыя дѣла, смотритъ на танцующихъ батчу (мальчикъ, переодѣтый дѣвочкой), а не-то слѣдитъ за боемъ перепеловъ, проигрывая на пари иногда все до нитки. Вообще сарты очень азартны, любятъ игру въ карты и кости, кончающуюся очень часто кровавыми драмами.

Особенно оживляется базаръ во время поста уразы, передъ праздникомъ Рамазана. Постъ заключается въ томъ, что сарты ничего не могутъ ѣсть днемъ, но послѣ вечерней молитвы до самаго разсвѣта идетъ кутежъ. Зрѣлище, въ особенности на большихъ базарахъ, какъ, напримѣръ, въ Андижанѣ, великолѣпное. Море огней освѣщаетъ пеструю толпу, сидящую, пляшущую и гуляющую. Трескъ барабановъ, звонъ бубновъ и побрякиваніе дутаръ (зурна), все сливается въ общій характерный гулъ.

До прихода въ край русскихъ, сарты употребляли наркотическое одуряющее курево „наша“, выдѣлывающееся изъ стеблей конопли, и пили „кукнаръ“, отваръ маковыхъ головокъ (тоѣ-же опій). Эти оба наркоза разрушающе дѣйствовали на организмъ, приводя человѣкъ къ могилѣ.

Теперь-же сарты отмѣнно пьютъ водку и особенно пиво, и на улицахъ русскихъ городовъ пьяный сартъ не рѣдкость.

Какъ торговецъ, сартъ очень остороженъ, не поддается жадѣ большой наживы, довольствуется маленькой и честно ведетъ свое дѣло. Сартъ — аккуратный плательщикъ и съ нимъ пріятно вести дѣло. Конечно, и тутъ бываютъ исключенія, какъ, напримѣръ, въ Маргеланѣ, одинъ купецъ пользуется общимъ презрѣніемъ даже у туземцевъ за то, что путемъ ростовщичества создалъ свое богатство.

Животныхъ сарты любятъ, но въ той мѣрѣ, въ какой они имъ приносятъ пользу. Любятъ сарты и цвѣты, и нерѣдко у земледѣльца, тащащагося за плугомъ, вы увидите пучекъ розъ, заткнутый за тюбитейку.

Между сартами существуютъ и поэты, напримѣръ, Фиркатъ, Ками, Накани и другіе, написавшіе немало поэмъ и одъ, среди которыхъ немало было посвящено русскимъ. Въ особенности много ихъ было написано на кончину Императора Александра III.

Вообще сарты являются народомъ съ мягкимъ характеромъ и поэтическимъ настроеніемъ, несмотря на всю прозу ихъ повседневной жизни.

Только одного не достаетъ сарту это—музыки и пѣнія, которыя грубы и дики и невыносимы для европейскаго уха.

Сарты—строгіе послѣдователи мусульманства, и въ особенности жители Андижанскаго уѣзда отличались фанатизмомъ.

Въ общемъ-же это народъ смысленный, который со-временемъ окажетъ немалую пользу въ развитіи культуры Туркестана. (*Моск. Лист.*).

Борисъ Гартевъ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шедше научите всѣ языки, крѣща-
юще во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1907.

Годъ пятнадцатый.

ТОМЪ III.

№ 23.

ДЕКАБРЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САБЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОб. Д.

1907

ный Э-въ наивно изложилъ свои экскурсіи въ область астрономіи, прочитавъ (да и то невнимательно) одного лишь Фламмаріона, къ тому же онъ зачѣмъ-то приплелъ нѣкоторые догматы вѣры, и барахтался въ массѣ непонятныхъ для него терминовъ. Весь комизмъ его положенія заключался въ потугахъ придать научность своимъ вымысламъ, но ученаго труда никакъ не получалось, — даже послѣ разсужденій на самыя современныя темы (о магнетизмѣ и спиритизмѣ). Въ бесѣдѣ съ этимъ „ученымъ“ весельчакомъ мы не замѣтили, какъ тяжелый паровозъ придвинулся къ станціи, шипя парами и тормазомъ. Черезъ часъ мы были уже въ Пекинѣ.

Иностранцы Средней Азіи.

Таджики говорятъ до сихъ поръ на одномъ персидскомъ нарѣчій. Они большіе щеголи, какъ и персіяне. Они въ будній день разряжены, какъ въ праздникъ: чалмы ихъ вздымаются на головѣ цѣлыми грандіозными сооруженіями, спуская сбоку съ какимъ-то особеннымъ неуловимымъ шикомъ бахромой украшенный конецъ пестрой шали. Впрочемъ, чалма не одно только пустое франтовство, а своего рода аттестатъ благочестія для правовѣрнаго. Недаромъ же она зеленая у потомковъ пророка и бѣлая у богомольныхъ хаджи, удостоившихся поклониться гробу Магометову. По правиламъ мусульманскаго благочестія чалма изображаетъ собой саванъ, постоянно напоминающій человѣку о его смерти, и длина ея должна быть, по крайней мѣрѣ, въ шесть или семь разъ больше роста человѣка. Но особенно ревностные сыны Ислама доводятъ чалмы нерѣдко до размѣровъ, превосходящихъ даже въ тридцать разъ ростъ обыкновеннаго смертнаго, и тогда она, конечно, воздымается на бритой макушкѣ почтеннаго мусульманина, наподобіе высокой бапни.

Яркая пестрота этихъ красныхъ, желтыхъ, синихъ и бѣлыхъ тюрбановъ, этихъ полосатыхъ халатовъ изъ бумажной аладжи и шелковаго адряса, сіяющихъ всѣми цвѣтами радуги, — обращаютъ бухарскую толпу, бухарскій базаръ въ какой-то веселый цвѣт-

никъ. Ничего подобнаго не представляетъ никакой другой мусульманскій городъ.

Узбеки, хотя такіе же пестрые и такіе же яркіе, пожалуй, еще болѣе яркіе, еще болѣе пестрые, чѣмъ Таджики—все таки замѣтно отличаются отъ нихъ даже и въ сутолокѣ базаровъ. Это ужъ несомнѣнные туранцы, собратья киргиза и калмыка, скуластые, широконосые, съ очень изрядною косинкой глазъ, съ характерною скудостью поросли на губахъ и бородѣ. Узбеки вообще гораздо некрасивѣе таджиковъ, неуклюжѣ ихъ, далеко не такъ общительны и мало склонны къ ремесламъ и торговлѣ, въ которыхъ таджики чувствуетъ себя совершенно дома; но зато узбекъ рослѣе, сильнѣе, храбрѣе и выносливѣе избалованнаго городскою жизнью трусливаго иранца. Это и немудрено, потому что узбекъ—завоеватель Бахары и ея законный хозяинъ. Несмотря на свою неотесанность, узбеки составляютъ привилегированное и господствующее сословіе края, военное рыцарство своего рода, наподобіе былого дворянства европейскихъ государствъ.

Узбеки до сихъ поръ еще держатся старыхъ кочевыхъ вкусовъ, войлочной кибитки, кумыса, верблюдовъ и неохотно мѣняютъ родимыя степи на тѣсноту городовъ. Но, конечно, силой времени множество ихъ уже перетянуло по разнымъ обстоятельствамъ въ города, перемѣшалось съ таджиками, обратилось и въ ученыхъ муллъ, и въ ловкихъ торговцевъ, въ судей и правителей. Эмиръ и его первый министръ—всегда узбеки.

Узбеки въ теченіе вѣковъ естественно сильно смѣшались съ таджиками и кровью, и правами, и обычаями. Они заимствовали у нихъ не только ихъ магометанскую религію, но и вкусы оскѣдности, разные промыслы и ремесла. Оскѣдный узбекъ-горожанинъ мало-по-малу совсѣмъ обособился отъ своего кочевого родича степей и горъ, потерялъ прежній духъ воинственности, а развилъ въ себѣ напротивъ мирный духъ торгашества; только по языку онъ оставался еще узбекомъ, а по образу жизни, отчасти и по самой внѣшности дѣлался таджикомъ. Такихъ оскѣвшихъ въ города, извѣстнымъ образомъ цивилизовавшихся узбековъ называютъ теперь сартами.

Сарта трудно отличить на видъ отъ таджика, потому что въ немъ кровь туранца уже значительно смѣшалась съ иранскою кровью, а общія привычки жизни, общая одежда и манеры еще болѣе сближаютъ его съ таджикомъ. Оттого русскіе и иностранцы, путешествующіе по Туркестану, безразлично называютъ и таджиковъ и узбековъ общимъ именемъ сартовъ. Это названіе распространяется съ каждымъ годомъ все больше и больше, такъ что люди, не вникающіе близко въ этотъ вопросъ, искренно считаютъ Сартовъ за какой-то особый народъ, населяющій Туркестанъ, имѣющій даже свой особенный сартскій языкъ. Но сартъ въ настоящее время вовсе не есть названіе особаго племени, а такъ сказать, бытовой собирательный типъ, обозначающій вообще горожанина и осѣдлаго жителя и вмѣщающій въ себѣ одинаково и узбека, и киргиза, и таджика.

Таджиками, собственно, продолжаютъ называться теперь только тѣ изъ коренныхъ жителей иранскаго племени, которые еще говорятъ персидскимъ языкомъ и не смѣшались со своими побѣдителями тюрко-монгольской расы.

Таджики же, потерявшіе свой языкъ и говорящіе языкомъ узбековъ, сдѣлались сартами наравнѣ съ осѣдлымъ узбекомъ и осѣдлымъ киргизомъ. Оттого-то среди сартовъ вы встрѣчаете самые разнообразныя и даже противоположныя типы, начиная отъ прекраснаго правильнаго лица со свѣтлою, почти европейскою кожей и роскошною растительностью усовъ и бороды и кончая скуластою и широконосою мордой рѣдко-бородаго и какъ сапогъ смуглаго монгола. На сарта-горожанина, на сарта-труженика грубый туранецъ смотритъ съ искреннимъ презрѣніемъ вольнаго сына степей, какъ на труса и раба.

„Мы называемъ таджика таджикомъ, когда ѣдимъ его хлѣбъ, — говорятъ узбекъ, — или мы называемъ его сартомъ, когда бранимся съ нимъ“.

А киргизская поговорка говоритъ: „плохой киргизъ дѣлается сартомъ, а плохой сартъ киргизомъ“.

Когда въ былыя, хотя и недавнія, времена кочевые узбеки осаждали города Ташкентскаго или Коканскаго ханства, то подѣзжая къ самымъ стѣнамъ крѣпости на своихъ лихихъ скаку-

нахъ, они кричали обыкновенно, насмѣхаясь надъ трусостью запершихся въ стѣнахъ горожанъ:

„А-е-и, Сартъ!“

Дикимъ воинамъ пустыни казалось, что для человѣка не можетъ быть ругательства позорнѣе этого названья „сарта“, обитателя города...

Нѣсколько словъ по поводу подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи якутскихъ проповѣдниковъ.

На страницахъ „Православнаго Благовѣстника“ я уже вскользь касался вопроса о недостаточности подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи проповѣдниковъ Слова Божія среди инородцевъ¹⁾. Теперь-же имѣю поводъ коснуться подробнѣе этого вопроса.

Въ минувшемъ году на страницахъ Якутск. Епарх. Вѣдомостей (№№ 22 и 23) была помѣщена моя статья подъ заглавіемъ „Первое мое затрудненіе“. Въ этой статьѣ я коснулся именно вопроса о недостаточности подготовки проповѣдниковъ среди якутовъ. Всѣ вновь поставляемые пастыри церкви, окончившіе курсъ мѣстной семинаріи, на поприщѣ своей проповѣднической дѣятельности всегда неминуемо встрѣчаютъ большое затрудненіе отъ незнанія правилъ и требованій Якутской рѣчи. (Для иллюстраціи сей мысли мной былъ приведенъ примѣръ изъ собственной жизни).

Извѣстно, что якуты, какъ отдѣльное племя, имѣютъ свои національныя и прирожденныя особенности въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ складѣ своей жизни и вмѣстѣ съ отличіемъ самой рѣчи отъ русской. они имѣютъ отличіе во 1-хъ, въ интонаціи голоса, и въ жестахъ при разговорѣ, и въ другихъ своеобразныхъ особенностяхъ въ передачѣ мыслей; во 2-хъ, каждое якутское слово имѣетъ много различныхъ значеній, смотря по произношенію и интонаціи, потому что

¹⁾ „Въ приходѣ“: Отъ 6 декабря.